



ТЕАТР ВЫБИРАЕТ ПЬЕСУ

Гастроли Русского театра
драмы Казахской ССР имени
М. Ю. Лермонтова

РЕПЕРТУАР Русского театра драмы Казахской ССР имени М. Ю. Лермонтова интересен. Вы почти не найдете в афише названий «кассовых» пьес, которыми изобилуют репертуары иных театров, приезжающих к нам на гастроли. Театр не старается завоевать публику легкими развлекательными пьесами или «модными» проблемами. На свое название он смотрит с подлинно гражданских позиций.

Театр ставит Шекспира и Горького. Причем обращается к трагедии «Король Лир», за постановку которой рискнет взяться далеко не всякий коллектив. Из богатого горьковского наследия он выбирает пьесу «Зыковы», не имеющую такой богатой сценической биографии, как, скажем, «На дне» или «Егор Булычов и другие». И на сцене идет серьезный, злободневный разговор о подлинной доброте — активной доброте, претворяющейся в действиях, в труде. В этом спектакле Софью Зыкову прекрасно играет народная артистка СССР В. Харламова — актриса высокой театральной культуры, глубокого проникновения в суть образа. Большим драматизмом наполнен образ Михаила Зыкова у заслуженного артиста Казахской ССР Е. Полова.

Из современной советской драматургии театр ставит не только «Ленинградский проспект» Н. Штока и «Чьи отцы своего» В. Лаврентьева (вошедших за последнее время в репертуар многих театров страны), но заинтересовывает незнакомой ленинградцам драмой Ю. Петухова «К морю-океану», в центре которой столкновение двух психологий, двух принципиов существования: жить для себя или для других.

И еще одна новая встреча — «Бригантина» В. Коростылева (постановка С. Казимировского). Спектакль по этой пьесе мог превратиться в поверхностный отклик на вопросы, превращенные в последнее время в некую «моду». В пьесе наслаиваются темы и культ личности, и «лобастых мальчиков», и «физиков и лириков». Но в спектакле умно расставлены акценты, и «Бригантина» стала у алмайтишцев романтическим спектаклем о нестаревшей душевной юности, об ответственности человека перед жизнью, о прекрасной и поэтической любви. Спектакль не получился бы таким удачным, если бы в труппе не было такой актрисы, как А. Сярнко, удивительно искренней, полно и взволнованно переживающей чувства своих героинь: Надеи в «Бригантине», Корделии в «Короле Лире» и Элены в «Ребе своего возлюбленного» Лопе де Вега.

Но наиболее полно актерские силы театра проявились в «Короле Лире», о котором хочется сказать подробнее.

Шекспировские спектакли очень часто становятся спектаклями двух-трех актеров. Конечно, без настоящего Лира не будет «Короля Лира». И о том, как народный артист Казахской ССР Е. Дюрдиев раскрывает процесс великого духовного прозрения Лира, превращения его в Человека, можно писать отдельную статью. В советской сценической шекспировской образ Лира, созданный

Е. Дюрдиевым, может занять место в ряду несомненных удач.

Но «Король Лир» у алмайтишцев — это спектакль не только о Лире. Это спектакль и о чудовищной и своей бесчеловечности Гонерилле (народная артистка СССР В. Харламова). И о мужественном и благородном Кенте (заслуженный артист Казахской ССР В. Азраме-ев) — с каждым его появлением на сцене рождается твердая убежденность в несомненной победе справедливости. И об Освальде, дворянском Гонерилле (Е. Попов) — ничтожество, которое может превратиться в убийцу.

Это спектакль и о шуте (народный артист Казахской ССР Ю. Померанцев). Шут здесь удивительный. Со злостью, откровенно издеваясь, бросает он дерзкие слова правды Лиру. Они звучат бражкой. Из какой боли, беспокойства и страданием за своего короля полон его взгляд, устремляющийся на Лира после каждой очередной фразы злобной Гонериллы, которая подтверждает правоту шута... С какой любовью укутывает он несчастного Лира в свой плащ и какой радостью светится его лицо, когда Лир впервые в жизни замечает в нем не шута, а человека: «Что, милый друг, с тобой? Озяб, бедняжка?» Это радость не за себя, нет, за Лира, в котором проснулась человечность, за Лира, который начинает «видеть». Шут в спектакле — воплощенная человечность. И после Лира — образ самый трагический. Когда в финале последней картины в степи шут — Померанцев, оставшись один, несколько секунд лежит в молчаливой неподвижности, а затем, встав и повернувшись спиной к залу, медленно, тяжело, словно сгибаясь под тяжестью мук и страданий, выпадающих на долю человека, поднимается по помосту, роняя шутовской колпак, платок, а потом опускается на землю и весь сжимается в комок, — эта сцена поистине трагична.

Для режиссера этого спектакля — С. Казимировского в равной степени важны и значительны каждая сцена трагедии, каждый ее персонаж, начиная от Лира и кончая бессловесным стражником. Потому что алмайтишцы ставят спектакль не только о прозрении Лира, но и о суровой, могучей и напряженной схватке человечности и жестокости, борьбе, в которой обнажаются и твердеют характеры, проявляются человеческие пути.

Есть, разумеется, у театра и свои просчеты и слабости. Эти слабости в первую очередь связаны с режиссурой. По существу, только постановки С. Казимировского выносятся в полном смысле слова спектаклями целостными, пронизанными глубиной замысла, отвечающими современному уровню развития театрального искусства. А, скажем, «Зыковы» (режиссер — заслуженный артист республики Г. Пушкарев) распадаются на ряд отдельных образов. Только актеры, а не весь спектакль в целом, доносят до зрителя горьковские мысли. Режиссура же спектакля фактически сводится к иллюстративной позаче авторской идеи, например в финале, когда Антон Зыков (Е. Дюрдиев) запевает «Эх, дубинушка, ухнем!», причем идея, понята режиссером спектакля слишком прямолинейно и упрощенно.

Подобные просчеты, а они встречаются не только в постановке «Зыковых», тем более обидны, что театр обладает таким богатством, как хорошие актерские силы, что его возможности велики, что он может создавать такие спектакли, как «Король Лир».

С. ДРУЖИНИНА



На снимке: сцена из спектакля «К морю-океану».

Фото В. Макарова